

ЭКСТРЕННЫЙ ВЫПУСК

17 апреля 1930 г.

ДОЛЖНЫ ЗНАТЬ 150.000.000

Умер Маяковский. Неожиданно и несложно обралась жизнь крупнейшего революционного поэта современности. Его коктейль стоит в чудовищном разрыве со всем его творческим обликом, его общественно-политической работой, его слитностью с рабочими классами, колоссальными зернами бодрости, целесустроимости, энтузиазма. Уйти с поста неутомимого верного поэтического трибуна революции в первые, когда его огромный талант, замечательное поэтическое мастерство нужны были борющимися рабочему классу — не вышло.

Мы соудаляем бессмыслицей, неоправданной поступок Маяковского. Но это не должно заслонить для нас колossalного общественного значения Маяковского, исторический ролик его позиции. К рабочему классу Маяковский пришел как замечательный мастер, полный острого сознания социальных целей своей позиции, борясь против строя закостеневших, отживших норм. Величайшие изобретения поэтического искусства, свой громкий, незаглушиаемый голос, свой глубокий ум он отдал пролетариату.

Маяковский наш поэт, великий поэт пролетарской революции. Маяковский был и остается с нами. Физическая смерть не разорвала нити, связывающие его с классовой борьбой пролетариата.

В грядущих классовых схватках морального пролетариата, в сегодняшних битвах на фронтах социалистической стройки, в всей нашей борьбе с еще неизученными классовыми врагами, с еще неизвестными железной мятой революции язвами быта, клопами и безбожниками, чем кто-либо другой из современных поэтов, он оказался по силе таланта, по политическому чувству, своему прозорливству способен стать триумфатором. Выстрел в сердце всех неологизмов, отживших норм. Величайшие изобретения поэтического искусства, свои уплюсканные, умирающие кляксы, с первых дней революции без колебаний, Человек, исполнительной волевой боеспособности, нервной сопротивляемости — Маяковский был примером бойца, не останавливавшегося ни перед какими трудностями. Он прошел сквозь струй поуплюсканий, аэтистических уплюсков умирающих кляксов, с первых дней революции без колебаний, стал политическим соратником коммунистической партии. Каждую строку своих стихов он брал в бой и предначинал для боя.

«Если я говорю «А», Это «А» становится человечеству труба. Если я говорю «Б», Это новая бомба в человеческой борьбе». Это не случайный мотив в определении задач своей поэзии. Не дань времени. Много раньше Маяковский бросил Игоря Северянину — этому сплонившему поэту чумазым выскочкам: «Как вы смеете называть поэтом И, серенин, чиркарик, как перепел?». И тут же напомнил свой путеводитель: «Сегодня народастром! Крошки в корзине».

О первых же своих набросках значительных высступлений Маяковский бросил вызов окостеневшим эстетическим нормам. Новыми, необычными ритмами, стихами, рассчитанными на улычу, слова — граммы и метки, смельчаки, оригинальными образами, всем строем своей поэзии.

Одно из сражений на полях самой поэзии. Обрушившись на традиции, разрывая, прозогающая новое, принципы Маяковский вел непримиримую борьбу с поганой, противоречивой, сплошной языковой звездой, луной поблажек, шотландца, щупающее слово во всей его материальной весомости, метко, дерзко. Но поэзия, «как волшебник», в позиции всего материального, земного, для земных целей, во имя человека, стоящего крепко на земле, борющегося, умеющего ненавидеть до предела и умеющего любить свои идеалы, бороться за них. Маяковский — материалист по своему мировоззрению, по своим взглядам на поэзию.

В пролетарскую революцию Маяковский вошел, как зрелый мастер. Автор замечательных по форме и содержанию произведений. «Облако в штанах», где сквозь личную тему, своеобразную материалистическую философию любви, пробиваются приближающиеся рассказы революции: «Война и мир» — поэма, где краев наполненная преступством против бессмыслицы, против капитализма, против земных сознаний, членов, яростных раков, заплаканных своего быта.

Всем своим предыдущим путем Маяковский был подготовлен к тому, чтобы встать в ряды революции, отдать всю свою «звонкую силу поэта атакующему классу».

Зрелый мастер, нашедший новые, неожиданные средства поэтического искусства, поэт-революционер, он неразрывно сединяет свой поэтический путь с путем борцовского пролетариата. Годы гражданской войны, первые успехи социалистического строительства, праздники и будни революции, ее враги и друзья наши в Маяковского своеме незаменимого политического комментатора.

Острые и резкие, полны ненависти или презрения стихи, он разоблачает, обличает врагов революции: Деникина, Врангеля, обывательщины, борократии. Октябрьская революция, партии, комсомол, Ленин, социалистическая страна, творчество, письменность, ее ярость, ее сила.

Роль соратника красок и линий жизни,нейтрального регистратора эпохи и темы, никогда не удовлетворяла поэта. Разоблачать, признавать — его постоянная цель. Делу пролетарской революции он принес свой необыкновенный талант, глубокий ум, качеству упорного и неутомимого борца.

Стремясь наиболее своеобразно откликнуться на самые острые, запросы

ПОТРЯСЕН СМЕРТЬЮ ГЕНИАЛЬНОГО ПОЭТА И
ЛЮБИМОГО ДРУГА, С КОТОРЫМ МЫ ВМЕСТЕ УТВЕРЖДАЛИ ЛЕВОЕ ИСКУССТВО.

ВСЕСОЛОД МЕИЕРХОЛЬД.

**МНЕ
И РУБЛЯ**
НЕ НАКОПИЛИ СТРОЧКИ,
КРАСНОДЕРЕВЩИКИ
НЕ СЛАЛИ МЕБЕЛЬ НА
ДОМ.
И. КРОМЕ
СВЕЖЕ ВЫМЫТОЙ
СОРОЧКИ,
СКАЖУ ПО СОВЕСТИ.—
МНЕ НИЧЕГО НЕ
НАДО.
Я ВЫВИШСЯСЬ
В ЦЕ-КА-КА
ИДУЩИХ
СВЕТЛЫХ ЛЕТ,
НАД БАНДОЙ
ПОЭТИЧЕСКИХ
РВАЧЕЙ И ВЫЖИГ,
Я ПОДЫМУ,
КАК БОЛЬШЕВИСТ-
СКИЙ ПАРТБИЛЕТ,
ВСЕ СТО ТОМОВ
МОИХ
ПАРТИЙНЫХ
КНИЖЕК.

**ВЛАДИМИРУ
МАЯКОВСКОМУ**

Владимир Владимирович, это очень странно! Ты, такой живой, вдруг стал мертвым. В твоей груди гудело большое сердце. Оно гудело телеграфными проводами, протянутыми по длинной дороге нашей борьбы. И вот, такое большое сердце разорвало маленькая пуль.

Ты был среди нас большим шахтером. В забоях жизни добывал антитазм и бросал его в наши сердца, как уголь, в топки паровозов.

Ты был среди нас литератором. Лил он сканды, взрывавшие мещанство.

Ты был среди нас большим токарем.

Из ржавых болванок слова вытачивал оружие против буржуазии.

Ведь мы тебя любим. Что же, наша любовь не в счет? Неужели на весах твоей судьбы мы, 150.000.000, весим меньше твоей личной любви?

Ты всегда был наш и с нами.

Мне бы жить и жить, сквозь годы мяса.

Но в конце хочу —

других желаний нету —

встретить я хочу

мои смертные часы

так, как встретил смерть

товарищ Нетта.

Так ты писал, когда твои Нетты умер в сражении с агентами буржуазии. И вот, пришла канат-болезнь — агент смерти — и ты сдался ей, не сражаясь.

Ты воспалев жизнь. Она бушевала огоньами борьбы, светила тебе в «140 солнца». И эту большую жизнь ты вдруг отбросил, как неудавшуюся рукопись.

Да, ты был большим, но в ту минуту, когда нажимал куруп, ты был очень маленьким. И на твоем лице, измененном смертью, хочется читать рифмованные строки в том, что называется «твоим». Но ошибки непримиримого отрицания любви и «прекрасной дамы». Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский отрицание любви и «прекрасной дамы».

Глубокий самониримский от

